

*Olivier Wardrop.
Peterburg. 8 Sept. 1891.*

ВОПРОСЪ
О РЕЛИГІОЗНОЙ РЕФОРМАЦІИ
XVI ВѢКА
ВЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ
ВЪ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРІОГРАФІИ.

(Критико-бібліографіческий очеркъ).

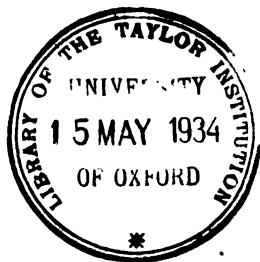
Н. Картеева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія В. С. Блакшева, Екатеринин. кан., д. 78.

1885

Извлечено изъ Журнала Министерства Народного Просвѣщенія. Ноябрь 1885 г.

I.

. За послѣднія двадцать лѣтъ польская историческая наука сдѣлала значительные успѣхи. „Работа надъ исторіей прежней Польши“, писалъ въ 1880 г. покойный профессоръ Краковскаго университета Іосифъ Шуйскій,— „находится въ стадіи полнаго развитія. Съ каждымъ годомъ умножается запасъ матеріала, и съ каждымъ годомъ ростетъ число монографій, въ которыхъ обрабатываются эпизоды на основахъ большаго количества источниковъ и лучшаго метода изслѣдованія“¹). Самый характеръ польской исторіографіи измѣнился за послѣднее время сравнительно съ тѣмъ, чтѣ она изъ себя представляла прежде, и это отразилось между прочимъ на отношеніи польскихъ историковъ къ реформаціонному движенію XVI вѣка въ Рѣчи Посполитой.

Въ развитіи польской исторіографіи можно различить три периода²). Первый обнимаетъ время съ конца прошлаго столѣтія до двадцатыхъ годовъ текущаго включительно: это — школа Нарушевича, который первый оставилъ компиляторство, господствовавшее въ польской исторіографіи, начиная съ XVII вѣка, сталъ разыскивать и изучать источники, сдѣлалъ попытку внести въ изслѣдованіе свѣтъ критики и обратилъ вниманіе на внутреннюю исторію Рѣчи Посполитой. Хорошую сторону этой школы составляло то, что Нарушевичъ и его послѣдователи, жившіе въ эпоху политическаго паденія Польши или очень къ ней близкую, не закрывали совершенно глазъ на недостатки

¹⁾ *Szujski. Historyi polskiej treściwie opowiadanej ksiąg dwanaście.* Warszawa. 1880. Wstępne słowo.

²⁾ *Michał Bobrzyński. Dzieje Polski w zarysie.* Warszawa. 1880. Wstęp. II. o nauce historyi polskiej i jej umiejętnem badaniu.

своего національного и государственного прошлого¹); но уже тутъ начинается стремленіе „пѣть“, какъ выражается современный польскій историкъ М. Бобржинскій, „хвалебный гимнъ въ честь прошлого“²). Между прочимъ эта школа совершенно не хотѣла заниматься царствованіемъ обоихъ Сигизмундовъ Ягеллоновъ, какъ эпохой религіозной реформаціи, предмета довольно щекотливаго для историка націи, преданной католической церкви часто до фанатизма: въ Польшѣ, по словамъ профессора Закржевскаго, „католицизму до такой степени удалось изгладить память о реформаціи, что поляки начали почти стыдиться своего временного отъ него отступничества, и это, конечно, слѣдуетъ признать за причину того, что исторіей реформаціи въ Польшѣ почти никто не занимался“³). Притомъ это была пора, когда историки любили останавливаться на отдельныхъ личностяхъ королей, полководцевъ, законодателей, а не на процессахъ общественной и народной жизни⁴). Второй періодъ польской исторіографіи — съ конца двадцатыхъ годовъ до конца пятидесятыхъ: это — школа Іоахима Лелевеля, школа романтической эпохи въ политикѣ и литературѣ, закончившейся политическимъ мистицизмомъ Короновича⁵) и республиканскимъ доктринерствомъ Генриха Шмитта⁶). Изученіе исторіи по источникамъ движилось впередъ, пріемы критики усовершенствовались, задачи изслѣдованія расширились, но въ то же время въ основу исторического представленія и сужденія кладется идеализація прошлого Рѣчи Посполитой при помощи чисто априорной исторической конструкціи. „Исторія“, говорить профессоръ Шуйскій, — „приняла форму апологіи нашего исторического общества, направленную прежде всего противъ вышешняго зла“. Такому направлению исторіографіи, кромѣ общихъ условій, въ которыхъ польское общество получало свое историческое воспитаніе, содѣйствовали еще два обстоятельства: впервыхъ, издание историческихъ памятниковъ, которые, обогащая науку фактами, въ то же время служили бы провѣркой и опроверженіемъ

¹) *Szujski*, стр. II.

²) *Bobrzeski*, I, 43.

³) *Zakrzewski. Powstanie i wzrost reformacji w Polsce*. 1870. стр. 6.

⁴) По исторіи церкви въ это время отмѣтилось только сочиненіе *Ostroga*ско: *Dzieje i prawa kościoła polskiego*. 1793.

⁵) *Wróblewski* (псевд. *Koronowicz*). *Słowo dziejów polskich*. Lipsk. 1858—59.

⁶) *H. Schmitt. Rys dziejów narodu polskiego*. Lwów. 1855—60. *Dzieje narodu polskiego krótko opowiedziane*. Lwów. 1861. *Dzieje Polski w potocznem opowiadaniu*. Lwów. 1869.

гипотезъ и фантазій, было въполномъ пренебрежені; во вторыхъ, за историческая работы брались главнымъ образомъ дилетанты, плохо знакомые съ политическими науками и съ исторіей другихъ странъ. Замѣчательно и то, что польские историки большою частью игнорировали работы историковъ другихъ народовъ, касающіяся прямо прошлыхъ судебъ Рѣчи Посполитой, и совсѣмъ не брались за темы изъ исторіи другихъ странъ, чѣмъ имѣть силу и до сего времени. Школа Лелевеля равнымъ образомъ коснулась реформаціонной эпохи въ Польши только въ общихъ руководствахъ, да и то поверхностно, потому что не имѣла необходимыхъ источниковъ и не сумѣла воспользоваться ими для своей доктрины¹⁾). Правда, не всѣ польские историки 1830-хъ — 1850-хъ годовъ принадлежали къ „школѣ“, и именно въ этотъ періодъ времени явились историки, занявшиеся впервые польскою реформаціей²⁾), но никто изъ этихъ отщепенцевъ не выступалъ противъ господствовавшей лелевелевской теоріи и не выставлялъ нового общаго взгляда на польскую исторію, а если кто и полемизировалъ, то чтобы не только повторять въ иной формѣ принципіальные ошибки Лелевеля, но даже возводить ихъ въ квадратъ. Только новая политическая разочарованія польского общества заставили его отнестись критически къ излюбленнымъ историческимъ теоріямъ: самъ собою явился вопросъ, почему всѣ эти частные и общественные добродѣтели польского общества, о которыхъ столько писалось въ книгахъ, не привели поляковъ къ тому, чѣмъ пользуются другіе народы, а для решенія этого вопроса нужно было иначе отнестись къ своему прошлому. Первымъ дѣломъ взялись за издание памятниковъ: явились для этого средства такихъ меценатовъ, какъ Рачинскіе, Дзялынскіе, Пржездѣцкіе, Красинскіе³⁾); въ этомъ приняли дѣятельное участіе такія учрежденія, какъ краковская академія наукъ, познанское общество любителей наукъ, львовскій *WydziaÅ krajowy*, варшавское издательство историческихъ источниковъ и т. д.; способы издания источниковъ были улучшены⁴⁾). Между прочимъ за эти послѣднія двадцать лѣтъ

¹⁾ *Bobrzyński*. II, 58.

²⁾ Гр. Красинскій, писавшій, впрочемъ, по англійски, и Лукашевичъ.

³⁾ Такіе меценаты дѣйствовали и раньше, но не такъ систематически.

⁴⁾ A. Bielowski. *Monumenta Poloniae historica*. 1864 — 79. *Scriptores rerum polonicarum. Kraków.* (Съ 1870 г.), Lubomirski. *Księga ziemi czerskiej. Warszawa.* 1879. Działyński. *Acta Tomiciana. Poznań.* 1852 — 79. Biblioteka Krasińskich Warszawa. (Съ 1868 г.). Rykaczewski. *Relatywunueyuszów o Polsce.* 1864. Zajączkowski.

особенно много было издано источниковъ для исторії XVI вѣка, къ изученію которого вообще обратились теперь съ большею, чѣмъ прежде, охотою¹⁾). Теперь настало время отнестиась научно и къ забытой прежними польскими историками религіозной реформації XVI вѣка: польская исторіографія вступаетъ въ новый періодъ своего существованія²⁾, въ ней начинается новое направлениe съ чисто научнымъ характеромъ.

Посвящая этотъ этюдъ исторії изученія религіозной реформації въ Польшѣ XVI вѣка, мы сочли нужнымъ указать на общее движение польской исторической науки. Изъ краткаго очерка, сдѣланнаго нами, каждый легко можетъ видѣть, что ни общее политическое воспитаніе польского общества, ни специально католическій его характеръ не могли содѣйствовать правильному отношенію большинства польскихъ историковъ къ религіозной реформації XVI вѣка: только представители новой исторіографіи въ Польшѣ, да и то за исключеніемъ увлекающихся, подобно Шуйскому, вѣроисповѣдною антипатіей къ протестантизму, отнеслись къ предмету вполнѣ объективно. При всемъ уваженіи нашемъ къ польскимъ историкамъ, поставившимъ вопросъ о реформаціи въ Рѣчи Посполитой на надлежащую почву, мы не можемъ однако не упрекнуть этихъ историковъ въ томъ, что они слишкомъ отрываются изученіе реформаціи въ Польшѣ отъ изученія реформаціоннаго движения вообще въ Европѣ. Впрочемъ, это—одна изъ особенностей польской исторической науки вообще: она беретъ для разработки только чисто национальныя темы, такъ-сказать, игнорируя существование другихъ народовъ, а это, конечно, суживаетъ умственный горизонтъ польскихъ историковъ³⁾. Польская исторіографія главнымъ образомъ—национальная и националистическая: въ ней нѣтъ интереса къ постороннимъ темамъ и весьма рѣдко спокойное отношеніе къ предмету безъ патріотическихъ увлеченій и соображеній. Долгое время польские историки не считали нужнымъ пользоваться результатами нѣмецкой и русской исторической науки, даже когда не могли пожало-

Korespondencya Kardinala Hozyusza. Kraków. 1878. *Wisłocki*. Korespondencya Andrzeja Zebrzydowskiego. Kraków. 1878. Źródła dziejowe profesora Pawlinskiego wъ Варшавѣ и др.

¹⁾ Я не имѣю возможности говорить здѣсь обо всѣхъ работахъ по XVI в. Названія главнѣйшихъ читатель найдетъ у Бобржинскаго и Шуйскаго.

²⁾ *Szujski*, op. cit. стр. IV—V; *Bobrzyński*, I, 60—63.

³⁾ Самъ Шуйскій, говоря о лелевелевской школѣ, замѣчаетъ, что въ ней wytracono najistotniejszy czynnik badania, czynnik porównawczy, стр. III.

ваться на ихъ анти-польскую тенденцию¹). Только теперь они начинаютъ приходить къ тому убѣжденію, что иноземные историки польскихъ дѣлъ во многихъ отношеніяхъ стоять выше собственныхъ, и что игнорировать ихъ нельзѧ²). Этотъ замкнутый, националистический характеръ польской историографіи лишалъ національныхъ изслѣдователей судебъ Рѣчи Посполитой возможности лучше понимать свое изъ сравненія съ чужими и заставлялъ ихъ скрывать историческую правду, щекотливую для національного патріотизма, а къ числу такихъ правдъ, конечно, относилась и реформація XVI вѣка при католической окраскѣ польского національного чувства. Въ виду недостатка искренности въ прежнихъ историческихъ школахъ, новая стала принципіально защищать право историка говорить голую правду: необходимо,—говорить Бобржинскій,—окончательно порвать съ девизомъ такого рода: „раскрытие нашей истины опозорить нась у чужихъ, дастъ основанія для несправедливостей, который намъ сдѣланы, отвратить нашу молодежь отъ прошлаго и традиціи, а у нась самихъ отниметъ энергию для дальнѣйшей работы” (I, 62). До какой степени этотъ девизъ укоренился въ польской историографіи, можно видѣть изъ того, что самъ Бобржинскій не свободенъ отъ недостатка, противъ котораго ратуетъ. Полемизируя съ тѣми, которые „чернить“ реформацію и „заслонять ея хорошія стороны“, онъ замѣчаетъ между прочимъ, что не только задача исторіи, но и „народная гордость“ не позволяетъ этого дѣлать: „если ужъ фактъ, что мы въ извѣстную пору увлеклись реформаціей, то для нась же лучше (to lepiej dla nas), когда изъ добросовѣстныхъ историческихъ изслѣдований окажется, что мы это сдѣвали, говоря вообще, изъ благородныхъ побужденій, что мы старались изъ реформаціи извлечь для своего развитія какъ можно болѣе выгодъ“ (II, 68).

¹) Kiedy zaś, говоритъ *Bobrzyński*,—historycy obcy z pewnym uczuciem wyższości o naszych się odzywali, my zamiast skutecznem współzawodnictwem sobie samym ostatnie naukowe słowo o przeszłości naszej zapewnić, odpowiadaliśmy imnieraz tylko chępliwą przechwałką i z prac obcych mały czerpał pożytek. I, 59.

²) Niepospolitanie wyższością metody odznaczającą rolę musieli w pracy około historii państwa polskiego odegrać cudzoziemcy, bardziej przedmiotowo na rzecz patrzący i z góry posiadający warunki niezbędnej porównawczości. *Szujski*, str. IV. Tymczasem dzierżami naszymi zaczęli się zajmować więcej uczeni obcy... Znaleźli się między nimi obok wielu miernoci takze ludzie wyposażeni talentem, nowszą metodą badania, usilną pracę, a wnoszący się ponad ciasny widokrąg narodowych swych uprzedzeń i interesów. *Bobrzyński*. I, 59.

Эта точка зрения „народной гордости“ сильно сквозить во всей польской историографии. Въ отношении къ реформационному движению гордиться можно было тѣмъ, что въ концѣ концовъ поляки вышли изъ своего временного отступничества, или тѣмъ, что изъ реформации они старались сдѣлать прогрессивное употребление.

Болѣе объективному и чисто научному отношению къ своей реформации польские историки могли бы отчасти научиться у иностранныхъ историковъ протестантизма въ Рѣчи Посполитой: этимъ предметомъ, дѣйствительно, съ прошлаго столѣтія занимались нѣмецкіе ученые, хотя разсматривали они его съ точки зренія исключительно церковной и притомъ вѣроисповѣдной (лютеранской), не дѣляя вдобавокъ самостоятельныхъ розысканій нового материала. Нельзя однако отрицать значенія этихъ нѣмецкихъ писателей о польской реформации: начиная съ конца XVII столѣтія до тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, поляки сами совершенно не занимались предметомъ, и нѣмцы были единственными авторами сочиненій по истории польскихъ диссидентовъ. Что касается русскихъ историковъ, то реформационной эпохи польской истории они касались по ея отношенію къ литовскимъ и юго- и западно-русскимъ дѣламъ, и только за самое послѣднее время въ нашей литературѣ появились два изслѣдованія, самостоятельно трактующія исторію реформации въ Польшѣ, но они были написаны уже послѣ того, какъ сами поляки стали вполнѣ научно относиться къ предмету. Многочисленныя рецензіи, которыя напечатаны обѣ „Исторіи реформации въ Польшѣ“ профессора Любовича въ польскихъ журналахъ и газетахъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что поляки вышли изъ своей прежней национальной замкнутости. Но имъ необходимо сдѣлать впередъ еще одинъ шагъ—расширить область исторического изученія другими народами, когда изслѣдованіе ихъ жизни имѣть высокій теоретический интересъ или отношеніе къ самой польской жизни: конечно, изученіе реформации на Западѣ, помимо своего общаго интереса, для польской исторіи имѣть и особое значеніе, и польские историки въ этомъ отношеніи должны были бы брать примѣръ съ другихъ народовъ.

Въ свое оправданіе поляки могутъ указывать на сравнительно невзначительное количество своихъ ученыхъ силъ и на неразработанность существеннѣйшихъ вопросовъ самой польской исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ польской историографіи столько поставленныхъ вопросовъ и такъ мало прочныхъ решеній¹⁾). Реформациі еще посчастливилось за послѣднее время, а сколько темъ, которыхъ мы, рус-

¹⁾ *Bobruevski*, I, 58.

ские, привыкли считать важнейшими, остаются еще не разработанными въ польской литературѣ. Среди нихъ замѣтное мѣсто принадлежитъ судьбамъ большинства польского народа, исторіи крестьянъ. Какъ прежде католическая Польша игнорировала свою реформацію XVI вѣка, такъ шляхетская интеллигентія страны совсѣмъ почти не интересуется народнымъ бытомъ не съ этнографической и идеалистической точки зрѣнія, а съ исторической, соціальной и экономической: въ самомъ дѣлѣ, литература этого предмета поразительно бѣдна. Въ пятидесятыхъ годахъ князь Любомирскій написалъ статью о земледѣльческомъ сословіи въ Польшѣ¹⁾, да Ставискій издалъ „Розысканія изъ исторіи сельского хозяйства“²⁾; потомъ въ 1874 году старикъ Мацѣевскій напечаталъ въ высшей степени странную, неудобочитаемую и темную „Исторію польскихъ крестьянъ“³⁾; да въ 1881 году, сочинитель повѣстей (powѣscisopisarz) Валерій Пржеборовскій написалъ лжепатріотический плакатъ въ формѣ исторического сочиненія подъ заглавіемъ „Крестьяне у насъ и въ другихъ мѣстахъ“⁴⁾, — вотъ пока и все⁵⁾ Въ этой области даже не замѣтно никакого оживленія за послѣднее время, и польский хлопъ еще не дѣлается центральною фигурой частнаго направленія исторической литературы. Быть можетъ, причина этого въ томъ, что до сихъ поръ мало изданныхъ памятниковъ для такой исторіи, но нельзя отрицать и того, что самый интересъ къ предмету пока незначителенъ.

Но обратимся къ главному предмету нашей статьи, къ исторіи изученія польской реформаціи.

II.

Первое историческое описание реформаціи въ Польшѣ принадлежитъ протестантскому священнику Андрею Венгерскому, издавшему подъ псевдонимомъ Адріана Регенвольскаго въ 1652 году „Историко хронологическую систему славянскихъ церквей“⁶⁾, въ ко-

А.
*Монголски
Regenwolski*

¹⁾ *Lubomirski. Rolnicza ludność w Polsce.* (*Biblioteka Warszawska.* 1857 sq.).

²⁾ *Stawiski. Poszukiwanie do historii rolnictwa krajowego.* Warszawa. 1858.

³⁾ *W. A. Maciejowski. Historia włościan w Polsce.* Poznań. 1874.

⁴⁾ *Walery Przyborowski. Włościanie u nas i dziejowie.* Wilno. 1881.

⁵⁾ У насъ объ этомъ предметѣ статья Ю. С. Рехневскаго въ *Русскомъ Вестнике* за 1858 годъ и книга г. Гогремыкина.

⁶⁾ *Adriani Regenwolsci. Systema historico-chronologicum ecclesiarum slavonicarum per provincias varias.* Trajecti ad Rhenum. 1652. Второе изданіе вышло въ 1679 г. подъ заглавіемъ: *Slavia reformata et sive actualiter nomen eius auctoris.*

торой отведено мѣсто и польской реформації. Авторъ этого сочиненія поставилъ себѣ задачей написать краткую исторію христіанства у славянъ со времени его утвержденія до середины XVII вѣка; въ этихъ рамкахъ разсматриваетъ онъ и исторію Польской церкви. Именно въ первой „книгѣ“ пять главъ (5—9) посвящено гуситству, изъ коихъ одна (7-я) трактуется *de reformatione ecclesiarum regni Husitas Bohemos in Polonia* (стр. 22—25), и четыре послѣднія главы (13—16) посвящены распространенію протестантизма въ Польшѣ и Литвѣ (стр. 71—150); далѣе, четыре же послѣднія главы (13—16) второй „книги“, въ которой идетъ рѣчь о преслѣдованіяхъ церкви въ разныхъ славянскихъ странахъ, опять разсматриваютъ польско-литовскія отношенія (стр. 206—264), равно какъ и въ третьей „книгѣ“, содержащей въ себѣ обозрѣніе богослововъ и пастырей славянскихъ, опять четыре главы (13—16) и особое прибавленіе о свѣтскихъ евангелическихъ писателяхъ (стр. 381—454), касаются Польши и Литвы; наконецъ, четвертая „книга“ слѣдить за судьбою греческой церкви въ Рѣчи Посполитой, при чмъ разсматриваются отношенія ея къ протестантизму въ особой главѣ о попыткѣ уніи между ними (cap. 3, *de unione evangelicorum in Polonia et M. D. Lithuaniae cum Graecis seu Ruthenis attentata, sed non nisi politica obtenta*, стр. 478—499). Трудъ Венгерского имѣть значение первосточника по массѣ собранного въ немъ материала, и новѣйшіе историки реформаціи въ Польшѣ постоянно его цитируютъ, хотя по мѣрѣ того, какъ публикуются новые материалы, указанное значеніе „Историко-хронологической системы“, конечно, умалается. Понятно, что авторъ стоитъ на вѣроисповѣдной точкѣ зрѣнія: въ католицизмѣ онъ видѣтъ „густой мракъ заблужденій и суевѣрій“ (*densas ergorum ac superstitionum tenebras*), а въ протестантизмѣ разсматриваетъ исключительно теологическую его сторону—„очищеніе“ христіанскаго вѣроученія. Стоя вмѣстѣ съ тѣмъ на точкѣ зрѣнія ортодоксальнаго протестантизма, онъ осуждаетъ крайнее направленіе польской реформаціи, то-есть, антитринитаризмъ, какъ „богохульную схизму“ (*blasphemum schisma*). За то, однако, въ отношеніи трехъ вѣроисповѣданій, между которыми были раздѣлены польские протестанты, именно ученія братьевъ чешскихъ, лютеранства и кальвинизма, Венгерскій старался держаться на высотѣ общихъ имъ всѣмъ положеній¹⁾:透过儿 сто лѣть послѣ

¹⁾ Reformati, говоритъ самъ авторъ..., triplici velut agmine ab an. 1550, distincti fuerunt: qui tamen in ipso fidei fundamento et praecipuis doctrinae christianaes capitibus consentiebant, стр. 99. Ср. стр. 89.